

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

УДК 1(091); 165.9
ББК 87.3(2); 87.25

ТИМОФЕЙ ИВАНОВИЧ РАЙНОВ – ИСТОРИК РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ¹

С.С. ИЛИЗАРОВ

Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН
ул. Балтийская, д.14, г. Москва, 125315, Российская Федерация
E-mail: sinsja@mail.ru

В.А. КУПРИЯНОВ

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники
имени С.И. Вавилова РАН
Университетская наб., 2, г. Санкт-Петербург, 199034, Российская федерация
E-mail: nonignarus-artis@mail.ru

Исследуется история написания «Очерков по истории русской философии 50–60-х годов», принадлежащих перу историка естествознания, литературоведа и философа Тимофея Ивановича Райнова (1890–1958). Показывается оригинальность методологии Т.И. Райнова как на фоне историографии истории русской философии, так и в более широком контексте историко-философской программы немецкого классического идеализма. Указывается, что основой методологии историко-философских работ XIX– начала XX в., вне зависимости от их национальной и схоларной принадлежности, служил подход, наиболее ясно выраженный в гегелевской историко-философской концепции. Суть такого метода исследований предполагает либо полную элиминацию социально-психологических аспектов истории мысли, либо же относит их ко вторичным, «фоновым» элементам исторического развития философии. Показано, что очерки истории русской философии Т.И. Райнова представляют собой одну из первых попыток применения идеи социальной обусловленности знания, предвосхитившей научную программу современной социологии научного познания. Выявлено, что в основе методологии Т.И. Райнова лежит социологическое учение Э. Дюркгейма, а именно его концепция механической и органической солидарности, на основе которой Райнов рассматривает социальные условия, определившие показываемую им специфику философии 1850–1860-х гг. Приводится сравнение интерпретации Райновым философии рассматриваемого периода и аналогичных подходов, представленных в известных трудах Г.Г. Шпета, Б.В. Яковенко, Э.Л. Радлова и А.И. Введенского. Важной частью исследования является реконструкция биографии Т.И. Райнова до революции 1917 г. На основе архивных источников проводится реконструкция биографического контекста написания работы и предлагается ее датировка. В исследовании использован традиционный инструментарий истории и истории философии: методы архивного поиска, исторической реконструкции и герменевтики текстов.

Ключевые слова: историография истории философии, социологическое учение Дюркгейма, социология знания, немецкий идеализм, философия истории русской философии

---

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-011-00366 и проект № 20-011-00071).

TIMOFEY IVANOVICH RAINOFF AS A HISTORIAN OF RUSSIAN PHILOSOPHY

S.S. ILIZAROV

S.I. Vavilov Institute for the history of science and technology of the RAS
14, Baltiyskaya u. 1., Moscow, 125315, Russian Federation
E-mail: sinsja@mail.ru

V.A. KUPRIYANOV

Saint-Petersburg branch of S.I. Vavilov Institute for the history of science and technology of the RAS
2, Universitetskaya nab, Saint-Petersburg, 199034, Russian Federation
E-mail: nonignarus-artis@mail.ru

The essay deals with history of creation of the «Outlines of the history of Russian philosophy of the 50–60s» written by T.I. Rainov (1890–1958), a historian of natural science, literary scholar and a philosopher. The authors show specificity of T.I. Rainov's methodology both against the background of the historiography of Russian philosophy and in the broader context of the historical-philosophical program proposed by the German classical idealism. It is indicated that the basis of the methodology of historical and philosophical works of the 19th – early 20th centuries, regardless of their national and scholarship, was the approach most clearly expressed in the Hegelian historical and philosophical concept. The essence of this research method involves either the complete elimination of the socio-psychological aspects of the history of thought, or it relates them to secondary, “background” elements of the historical development of philosophy. It is shown that T.I. Rainov's essays on the history of Russian philosophy represent one of the first attempts to apply the idea of social conditioning of knowledge, anticipating the scientific program of modern sociology of scientific knowledge. It is revealed that the basis of the methodology of T.I. Rainov is the sociological doctrine of E. Durkheim, namely his concept of mechanical and organic solidarity, on the basis of which Rainov examines the social conditions that determined the specificity of the philosophy of the 1850-1860s shown by him. The comparison of Rainov's interpretation of the philosophy of the period under consideration and similar approaches presented in the famous works of G.G. Shpeta, B.V. Yakovenko, E.L. Radlova and A.I. Vvedensky. An important part of the study is the reconstruction of T.I. Rainov before the revolution of 1917. On the basis of archival sources, the biographical context of the writing of the work is reconstructed and its dating is proposed. The study used the traditional tools of history and the history of philosophy: methods of archival search, historical reconstruction and hermeneutics of texts.

Key words: *historiography of the history of philosophy, sociological doctrine of Durkheim, sociology of knowledge, German idealism, philosophy of history of Russian philosophy*

DOI: 10.17588/2076-9210.2020.2.043-058

Оригинальный мыслитель и разносторонний ученый Тимофей Иванович Райнов (1890–1958) – философ, психолог, литературовед, историк философии, историк науки, науковед, востоковед, экономист, социолог, юрист, библиограф и т.д. – ныне почти забыт. Между тем творческое наследие Т.И. Райнова, в значительной мере еще не опубликованное и включающее крупные монографические исследования, позволяет ставить его в первый ряд выдающихся отечественных гуманитариев первой половины XX в. Причем по ряду направлений труды Т.И. Райнова до сих пор не утратили научной актуальности. Это относится к един-

ственной и первой в своем роде фундаментальной монографии по истории естественно-научных знаний в средневековой Руси – «Наука в России XI–XVII веков. Очерки по истории донаучных и естественно-научных воззрений на природу» (1940 г.). Новаторская статья Т.И. Райнова «Волнообразные колебания творческой продуктивности в развитии западноевропейской физики XVIII и XIX веков», изданная в 1929 г. на английском языке в журнале *Isis*, стала провозвестником направления ретроспективной наукометрии. Российскими кантоведами оказалась напрочь забыта или не замечена монография Т.И. Райнова столетней давности «Теория искусства Канта в связи с его теорией науки», как, впрочем, и другие его труды по философии и истории философии.

Т.И. Райнов родился 29 июля 1890 г. в крестьянской семье в селе Кольчево Аккерманского уезда Бессарабской губернии, основанном в XIX в. задунайскими болгарам². До революции его отец Иван Андреевич владел посевной и усадебной землей, размер которой, видимо, был не велик. Со временем И.А. Райнов стал мелким служащим в городе Болграде, подрабатывая сдельной работой. Семья Райновых в начале XX в. проживала в Болграде на улице Инзовской в доме № 114.

По словам Райнова, он начал зарабатывать с 13–14 лет, давая уроки. Сам он учился сперва в начальной школе, затем с мая 1900 г. на земскую стипендию в гимназии императора Александра III в Болграде, полный восьмилетний курс которой завершил в июне 1909 г. с золотой медалью, показав при этом особые успехи в математике и языках. В образовании и самообразовании Райнова огромную роль сыграло обильное самостоятельное чтение; он, как сам указал в автобиографии, читал много и без какого-либо «внешнего руководства».

После завершения гимназического курса Райнов в июле 1909 г. был зачислен на физико-математическое отделение Санкт-Петербургского университета. Но вскоре передумал и в сентябре того же года поступил на инженерно-строительное отделение Санкт-Петербургского политехнического института императора Петра Великого. Но и здесь пробыл недолго. В сентябре 1910 г. поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университе-

---

² См. подробнее: Илизаров С.С. Райнов Тимофей Иванович: Материалы к биобиблиографии. М.: Янус-К. 2017. 192 с. (Сер. «Российские историки науки и техники»). Вып. IX [1] Здесь впервые опубликована работа «Рыцарь красного луча. К психологии творчества К.А. Тимирязева» и ряд других сочинений Т.И. Райнова, а также содержится полная библиография трудов и литература о нем. См. также более поздние работы С.С. Илизарова о Т.И. Райнове: Илизаров С.С. Архив Т.И. Райнова: история, содержание, лакуны // Роль архивов в информационном обеспечении исторической науки. М.: Этерна, 2017. С. 436–447 [2]; Илизаров С.С. Историк науки и деятель книжной культуры Т.И. Райнов: материалы к биобиблиографии // Библиография. 2017. 1 (408). Январь–февраль. С. 64–82 [3]; Илизаров С.С. Тимофей Иванович Райнов о научном ландшафте России эпохи Василия Васильевича Докучаева // История наук о Земле: Вып. 6. М.: Акколитъ, 2017. С. 139–145 [4]; Илизаров С.С. Человек книги Тимофей Иванович Райнов // Библиокодеведение. 2017. Т. 66, № 4. С. 411–421 [5]; Илизаров С.С. Т.И. Райнов – ИИИТ АН СССР: к истории написания статьи «Декарт и русское естествознание XVIII века» // Архив истории науки и техники. Вып. VI (XV). М.: Янус-К, 2018. С. 75–90 [6]; Илизаров С.С. Т.И. Райнов. Декарт и русское естествознание XVIII века (публикация С.С. Илизарова и И.Р. Грининой) // Архив истории науки и техники. Вып. VI (XV). М.: Янус-К, 2018. С. 5–74 [7].

та. Спустя два года, 27 сентября 1912 г., он подал ректору университета прошение о переводе на юридический факультет. В одном из вариантов автобиографии, составленной в Комакадемии в 1935 г., имеется пояснение Райнова: «регулярно учиться не мог вследствие главным образом материальных причин. Выйдя в 1911 г. из числа студентов, сдал в 1915 г. государственные экзамены экстерном по юридическому факультету в Петербургском университете», поскольку не мог быть оставлен на кафедре философии из-за расхождений с профессорами А.И. Введенским и И.И. Лапшиным в отношении Канта³. В автобиографии, написанной в 1945 г. при поступлении в Институт истории естествознания АН СССР, он счел необходимым отметить, что в университете проходил курс обучения на трех факультетах – физико-математическом, историко-филологическом и юридическом, а также подчеркнул, что «больше всего обязан 3 своим профессорам: Б.А. Тураеву (востоковедение), А.С. Лаппо-Данилевскому (методология и история русской науки) и Д.Н. Овсяннико-Куликовскому (психология научного мышления)». В университете Т.И. Райнов слушал также лекции А.И. Введенского по философии и психологии, М.И. Туган-Барановского по политической экономике, И.И. Кауфмана по статистике и др. Несмотря на кажущуюся неровность и аритмичность в образовании, Райнов получил разностороннюю профессиональную подготовку, позволявшую в последствии неоднократно менять исследовательские направления и каждый раз при этом демонстрировать глубину знаний и оригинальность мысли и теоретического инструментария.

Становление Райнова как ученого происходило, прежде всего, под воздействием методологической и социологической школы Лаппо-Данилевского, семинарий которого он активно посещал в течение четырех лет, а также участвовал в известных домашних пятничных приемах своего учителя. С Овсяннико-Куликовским и его семьей Райнова связывали особо близкие личные отношения. Через него Райнов испытал мощное воздействие так называемой харьковской лингвистической школы А.А. Потебни–Д.Н. Овсяннико-Куликовского, которую сегодня точнее было бы называть особым философско-культурологическим направлением. В архивном фонде Райнова сохранились конспекты сочинений и лекций Овсяннико-Куликовского. Жизни и анализу научного наследия учителя Райнов посвятил несколько исследований, в том числе статью «“Психология творчества” Д.Н. Овсяннико-Куликовского. К 35-летию его научно-литературной деятельности. Введение в феноменологию творчества», опубликованную в 1914 г. в Харькове в сборнике «Вопросы теории и психологии творчества». Восхищение ученика и преданность своим учителям Райнов пронес через всю свою жизнь. Так, получив разрешение Лаппо-Данилевского, он посвятил ему свою статью «К учению о суждении с точки зрения чистой логики», опубликованную в 1913 г. в «Вестнике психологии криминальной антропологии и педологии». К 25-летию ученой деятельности своего учителя Т.И. Райнов в «Жур-

³ АРАН. Ф. 425. Оп. 2. Д. 197. Л. 5; Ф. 518. Оп. 5. Д. 124. Л. 1–2.

нале Министерства народного просвещения» в 1915 г. опубликовал статью «О философских взглядах и педагогических приемах А.С. Лаппо-Данилевского».

Т.И. Райнов был очень одаренным и талантливым человеком, испытавшим мощное воздействие своих великих учителей, но все равно удивительно рано, уже в 1911 г., то есть в первые студенческие годы, всего через пару лет после окончания гимназии, своей самостоятельной философской статьей «Лирика научно-философского творчества» в харьковском сборнике «Вопросы теории и психологии творчества» он заявил о себе как о вполне сложившемся исследователе. В этом сборнике публиковались работы В.Г. Короленко, Д.Н. Овсяннико-Куликовского, Ф.И. Буслаева, А.Л. Погодина, И.И. Лапшина, С.Л. Франка, П.К. Энгельмейера, Е.В. Аничкова, А.И. Белецкого, М.О. Гершензона и др. В период 1911–1916 гг. у Райнова вышли здесь пять сочинений. Другим изданием, в котором Райнов публиковался и где выступил главным образом с серией обзорно-аналитических рефератов по проблемам современной постановки логического учения о суждениях, теории познания, выполнил обзор содержания международного ежегодника по философии культуры «Логос», рассмотрел труды А. Введенского, В. Виндельбанда, Э. Дюркгейма, И. Изорского, Н. Лосского и др., был известный журнал «Вестник психологии, криминальной антропологии и педологии», издававшийся в Санкт-Петербурге с 1904 по 1919 г. под редакцией В.М. Бехтерева и В.С. Серебrenикова. Наряду с оригинальными трудами по общей, экспериментальной и педагогической психологии, зоопсихологии, гипнотизму, криминальной антропологии и общественной психологии, здесь регулярно публиковались работы по фундаментальным философским проблемам, авторами которых выступали многие известные русские философы и социологи – Е.А. Бобров, К.Ф. Жаков, Ф.Ф. Зелинский, Н.О. Лосский, Л.А. Саккетти, Н.И. Кареев, П.А. Сорокин и др. Дорогу в «Вестник...» Райнову проложил Овсяннико-Куликовский, который преподавал также и в знаменитом бехтеревском Психоневрологическом институте.

Райнов успел войти как равный в русский интеллектуальный мир эпохи культурного ренессанса как раз накануне его крушения. Перед революцией он имел прочный багаж из двадцати с лишним крупных работ, опубликованных, кроме вышеназванных, в таких значимых изданиях, как «Вестник Европы», «Журнал Министерства народного образования», сборник «Новые идеи в философии» и др. Т.И. Райнов для многих современников был авторитетным разносторонним исследователем, ученым-эрудитом, интересным и глубоким собеседником и корреспондентом. Общение с ним было значимо для таких разных людей, как Г.Г. Шпет, Г.А. Челпанов, П.К. Энгельмейер, Б.В. Яковенко, А.В. Васильев, а в дальнейшем – Дж. Сартон и Ф. Даннеман, В.И. Вернадский, В.Л. Комаров, Э.Л. Радлов, В.Ф. Асмус, В.П. Зубов, М.А. Гуковский, Н.И. Конрад, И.Ю. Крачковский, Л.С. Берг, Б.Е. Райков. Со студенческих лет близкими друзьями Т.И. Райнова были Н.Д. Кондратьев и П.А. Сорокин.

После окончания университета Райнов в 1916 г. был призван на военную службу и определен рядовым 1-го Пехотного запасного полка, расквартиро-

ванного в Петрограде. Солдатская служба в полковой канцелярии не очень его обременяла, позволяла читать и писать. Сразу же после Октябрьского переворота, получив по зрению формальное освобождение от воинской обязанности, Райнов уехал к жене, служившей земским врачом в селе Каменка Херсонской губернии. На протяжении трех–четырёх месяцев, с конца 1917 по начало 1918 гг., он жил в этом селе и там перенес сыпной тиф, осложнённый менингитом. Оправившись от болезни только в начале весны 1918 г., переехал с женой на место ее новой службы в село Станислав, а затем, спустя полтора–два месяца, – в волостной центр село Шестерню той же Херсонской губернии. В 1918 и 1919 гг., по словам Райнова, он занимался сельским хозяйством, видимо, подрабатывал частными уроками, помогая жене в деле обеспечения амбулатории оборудованием, посудой, керосином и проч., выезжал в Екатеринослав и Кривой Рог.

В 1919 г., после установления в тех краях Советской власти, он поступил на службу преподавателем обществоведения и социальной психологии на Высшие педагогические курсы в Кривом Роге. Поскольку Шестерня находилась недалеко от места службы, в условленные для проведения занятий дни из Кривого Рога за Райновым присылались лошади. Так он прожил до 1923 г., до переезда в Москву. В эти годы, «в эти ужасные и все же прекрасные годы», по собственным словам Райнова, когда жизнь доходила «до обоих крайних полюсов нашего существования», спасаясь вместе с женой от хаоса и бед гражданской войны, разрухи и голода, он постоянно и каждодневно занимался литературной работой, преимущественно в области литературоведения и психологии творчества. По воспоминаниям его жены Е.Б. Беньямович-Райновой, в Шестерне существовал литературный кружок, состоявший из местных жителей, певца Ленинградской оперы и пианистки Киевской консерватории: «Раз в неделю мы собирались, чаще всего у нас. Душой кружка был Тимофей Иванович и, как пишет наш старый друг – участница кружка, “Т. И. был в полном смысле “живой водой” не только для Шестерни”»⁴.

Шестернянский период творческой жизни Райнова был чрезвычайно продуктивен. Хотя какая-то часть его бумаг оказалась «в один особенно тяжелый день» сожжена «во время набегов махновцев, белых, зеленых и др. банд»⁵, перебравшись в Москву он привез с собой огромное количество набросков, завершённых статей, курсов лекций, рукописи книг о А.А. Потебне, К.А. Тимирязеве, П.Л. Лаврове, Ф.И. Тютчеве; рукопись до сих пор не изданной большой монографии «Жизнь и творчество Д.Н. Овсяннико-Куликовского». В этом же «шестернянском портфеле» находилась рукопись его очерков по истории русской философии 1850–1860 годов, первые две части которой впервые публикуются ниже.

Автограф книги «Очерки по истории русской философии 50–60-х годов» хранится в личном фонде Т.И. Райнова в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Это рукопись объемом в 93 листа, со следами автор-

⁴ АРАН. Ф. 1634. Оп. 1. Д. 324.л. 59 об.–60.

⁵ Там же. Л. 78.

ского редактирования, но не датированная. Нет никакого сомнения, что она создана до переезда в Москву, поскольку все тексты Райнова этого периода написаны с использованием старой дореформенной орфографии. После смерти Райнова его жена последние годы своей жизни посвятила сохранению, систематизации, описанию его бумаг, уточнению времени их создания и имен. Самые важные тексты были тщательно перепечатаны на машинке. В печатном варианте книги «Очерки по истории русской философии 50–60-х годов» в самом конце в квадратных скобках рукой Е.Б. Райновой карандашом указаны даты: [1919–1920 гг.]. Однако при внимательном изучении архива Райнова не находится достоверных следов его работы над историей русской философии в данный период. Их нет ни среди рукописей, ни в нескольких сохранившихся блокнотах – рабочих тетрадях Райнова, которые он вел в шестернянский период, с 1918 по 1922 гг. В этих тетрадях имеются выписки из работ В. Бёльше, В. Гааке, Ч. Дарвина, П.Л. Лаврова, Дж. Лёба, И.И. Мечникова, И.П. Минаева и др.; содержатся краткие наброски и довольно пространные тексты на темы: «Очарование прошлого», «Субстанция или процесс», «Об энергии», «Пределы употребления понятия процесса», «К вопросу о смысле понятия электрона», «Явление и смысл», «Законы сохранения», «Эволюция и революция в науке», «Об эстетике Толстого» и т.п. Интересен сравнительно большой текст «Разговор о сочувствии», построенный в форме диалога–беседы Платона, Демокрита, Аристотеля и Канта. Но изучение и разработка им вопросов истории русской философии совершенно не просматривается. Напрашивается вывод: эта работа была им написана ранее, либо еще в Петрограде, либо в самое первое время пребывания на херсонщине, после того как он оправился от перенесенного тяжелого заболевания. В пользу этой версии есть несколько аргументов прямого и косвенного характера. Во-первых, многие ранние публикации Райнова так или иначе были посвящены историко-философским сюжетам. Во-вторых, все имеющиеся в «Очерках по истории русской философии 50–60-х годов» ссылки на литературу не позднее 1916–1917 гг. И, наконец, летом 1918 г. в поисках выхода из жизненного тупика, способа заработка и проч. он побывал в Одессе, городе, в котором невозможно было найти преподавательскую работу, но который переживал издательский бум. Рассказывая о своих неудачных попытках получить в Одессе место преподавателя не только в высших, но и в средних, включая частные гимназии, учебных заведениях, в письмах к жене он сообщал: «Литературные дела лучше. В журнале “Объединение” принципиально приняты мои очерки русской философии (из Лаврова), листов на 5–6. У меня их настоятельно просили сейчас, и я обещал, что скоро доставлю их, но, конечно, после обработки их дома»⁶. Речь шла о журнале, издававшемся в Одессе с 1918 г. под редакцией Н.М. Осиповича и А.С. Юшкевича. Нельзя не обратить внимание на практически точное совпадение размеров «Очерков...»: летом 1918 г. они составляли 5–6 листов, вариант публикуемый в журнале «Соловьевские исследо-

⁶ ОР РГБ. Ф. 441. Карг. 14. Д. 18. Л. 6 об.

вания» также около 6 листов (= 5,6 а.л.). И еще один момент: Райнов, описывая жене, как устроился в Одессе на даче у Овсяннико-Куликовских, сообщал: «Сегодня мы устраиваем здесь литературную фабрику. О[всяннико]-К[уликовский] будет писать внизу, а я уж поближе к небу. Хочу написать здесь вчерне о философских влияниях 60-х годов для “Объединения”»⁷.

В 1922 г. Т.И. Райнов через своего приятеля Ф.И. Витязева, руководившего кооперативным издательством «Колос», получил письмо от Б. В. Яковенко, приглашавшего участвовать в возобновляемом журнале «Логос». (Кстати, в выпуске «Логоса» за 1914 г. Райнов опубликовал разбор новейших сочинений Харальда Хёффдинга и Эмиля Ласка.) Это письмо не сохранилось, но из ответа Райнова от 5 сентября 1922 г. ясно, что Яковенко предлагал подготовить обзор современной русской философской литературы с 1915 г. Райнов предложение отклонил, ссылаясь на свое незнание современной литературы: «С состоянием и общим духом русской филос. литературы наших дней Вы, вероятно, знакомы: невеселая картина. Отраднo только оживление интереса к историко-философским задачам. Помимо Радловской и Шпетовской историй русской философии, выйдут: история русской эстетики (Радлова), книжка о Лопатине, Л. Данилевском, Овс. Куликовском, Потемне, Сквороде, Розанове (Флоренском) и пр.». Таким образом, степень своего незнания Райнов несколько преувеличивал. В письме к Яковенко имеется еще один важный пассаж, подтверждающий наше мнение о более ранней датировке «Очерков по истории русской философии». Своему корреспонденту он сообщал: «Написал я за это время, с 1918 г., следующее: 1. “К психологии личности и мышления Лаврова” (уже вышло, ст. 1918 г.) 2. “Жизнь и деятельность Овсяннико-Куликовского” – книга листов до 20: выйдет к Рождеству в “Колосе”. 3. “А.А. Потемня” – книжка листа в 3-4, выйдет в октябре в “Колосе”. 4. “О личном достоинстве” – социально-психологический очерк листа в 2½, выйдет в Питере в составе какого-то научного сборника»⁸.

Время написания «Очерков по истории русской философии 50–60-х гг.» относится к периоду активного развития историографии истории русской философии, когда в России и за рубежом в свет выходят известные, ставшие сегодня классическими работы Э.Л. Радлова, Г.Г. Шпета, Б.В. Яковенко, А.И. Введенского, Е.А. Боброва, П.Н. Милокова, Т. Масарика, А. Койре, Г.В. Флоровского, Д.И. Чижевского. Рассматриваемый период можно по праву считать временем зарождения истории русской философии как самостоятельного раздела философии. Труды упомянутых авторов, а несколько позднее и работы В. В. Зеньковского, Н.О. Лосского и советских историков русской философии определили характер современного восприятия русской философии XVIII–XIX вв., заложили основу историографического канона в области истории отечественной философской мысли. На фоне ярких и философски продуманных исследований Б.В. Яковенко, Г.Г. Шпета, Э.Л. Радлова и других упомянутых авторов очерк Райнова

⁷ ОР РГБ. Ф. 441. Карт. 14. Д. 18. Л. 9–9 об.

⁸ АРАН. Ф. 1634. Оп. 1. Д. 369. Л. 2–3.

выделяется своей методологической оригинальностью и творческой новизной в освещении известных и в целом хорошо изученных страниц из истории русской мысли XIX в. Попытаемся дать характеристику историко-философской методологии, применяемой Т.И. Райновым, и те общие выводы, которые она позволила ему сделать в отношении рассматриваемого им периода.

Хотя зарождение истории философии как проблемной области и даже научной дисциплины относится еще к периоду античности⁹, современные историко-философские исследования сложились преимущественно под влиянием немецкой идеалистической философии начала XIX в.¹⁰, что в силу ее заметного влияния в России особенно важно для русской историко-философской традиции. В России в конце XIX – начале XX в. активно переводились труды немецких историков философии (К. Фишера, В. Виндельбанда, Ф. Ибервега, Р. Фалькенберга, К. Форлендера, Э. Целлера), а русские авторы историко-философских работ зачастую при написании собственных трудов опирались на немецкие пособия и руководства, причем в некоторых случаях таковые работы оказывались не более чем компиляциями соответствующих немецких источников. Таким образом русская философствующая публика усваивала не только общие схемы европейского историко-философского процесса и оценки тех или иных философских концепций, но и приобщалась к тем методологическим подходам, которые господствовали в указанных пособиях и затем служили основой для их самостоятельных историко-философских исследований. Суть такого рода методологической установки отражена во вводной части «Лекций по истории философии» Г.В.Ф. Гегеля. Согласно Гегелю, предметом истории философии является прогрессирующее развитие истины в многообразии ее проявлений в частных философских учениях. Развитие философских систем представляет собой поступательное определение *Идеи*. «Я утверждаю, – пишет немецкий мыслитель, – что если мы освободим основные понятия, выступившие в истории философских систем, от всего, что относится к их внешней форме, к их применению к частным случаям и т.п., если возьмем их в чистом виде, то мы получим различные ступени определения самой идеи в ее логическом понятии. Если, наоборот, мы возьмем логическое поступательное движение само по себе, мы найдем в нем поступательное движение исторических явлений в их главных моментах; нужно только, конечно, уметь распознать эти чистые понятия в содержании исторической формы» [10, с. 92]. То есть суть метода историко-философского, как и в целом историко-научного познания (а философию Гегель, как известно, также считает наукой), заключается в отделении собственно логического содержания науки от ее внешнего бытия. В целом познание истории науки заключается в выявлении исторического развития истины. «Кто изучает историю физики, математики, – указывает философ, – тот знакомится также и с самой физикой, математикой и т.д.» [10, с. 93]. Внешняя история при таком подходе

⁹ См.: Жмудь Л.Я. Зарождение истории науки в античности. СПб.: РХГИ, 2002. 424 с. [8].

¹⁰ См.: From Hegel to Windelband: Historiography of Philosophy in the 19th Century. Pluder V., Hartung G. (eds.). Berlin/Boston: Walter de Gruyter, 2015. 247 p. [9].

оказывается вторичной, поскольку она имеет значение только лишь в контексте содержательной стороны истории науки и направлена на прояснение внеучных условий исторического развития и распространения знаний.

Для методологии историко-философского исследования из сказанного следует вывод о том, что задача истории философии состоит в исследовании развития содержательной стороны философии. Поэтому собственно исторические, «преходящие» стороны историко-философского процесса либо полностью элиминируются из исследования, либо же им отводится роль «внешнего» обрамления в истории поступательного прогрессирующего развития философской истины (как это можно видеть у Гегеля). В данном контексте, необходимо, однако, сделать оговорку, что таковой подход к историко-философским, как и в целом к историко-научным исследованиям, оказался в целом доминирующим для этих дисциплин в XIX–XX вв., несмотря на национальную и схолярную принадлежность того или иного автора. Чтобы в этом убедиться достаточно беглого просмотра классических обзорных трудов как по истории философии, так и по истории естественных наук, принадлежащих перу Э. Маха, Э. Бутру, П. Таннери, У. Хьюэлла, П. Дюэма, Ф. Даннемана, Э. Брейе, У. Гатри, Б. Рассела, Ф. Коплстона, А. Койре и др. Тем не менее, как мы указали, представляется, что для историографии истории русской философии особенно принципиальным оказалось методологическое влияние немецкой идеалистической традиции с ее весьма строгим разделением внешней и внутренней истории философии и акцентом на рассмотрение содержания истории философии из нее самой. Таковы в конечном счете столь известные и влиятельные историко-философские труды К. Фишера и В. Виндельбанда¹¹.

В рассматриваемом контексте представленный очерк Т.И. Райнова выглядит оригинальным и новаторским не только в своих содержательных интерпретациях весьма примечательного периода истории русской философии, но и в своих методологических основах. В конце концов можно утверждать, что именно новаторский подход к методологии историко-философского исследования обусловил и те весьма оригинальные выводы, которые Райнов предлагает в данной работе. О своей основной методологической установке Райнов прямо заявляет, называя свой подход «социально-психологической точкой зрения». При рассмотрении истории философии ученый исходит «из основного факта» – «социологического типа русского мыслителя», каковым он считает тип «широкой натуры», или широкого и разностороннего мыслителя-дилетанта, порожденного слабо дифференцированной культурой, в которой совмещаются разные общественно-трудовые функции. Говоря более современным языком, речь идет об обществах общинного типа с неразвитым разделени-

---

¹¹ Об историко-философской концепции К. Фишера в контексте немецкой историографии истории философии (см.: Рукавишников А.Б. Куно Фишер как историк философии // Между метафизикой и опытом: материалы коллоквиума «Влияние немецкой философии на русскую философию с XIX века до начала XX века и дальнейшее развитие философии в Германии и в России» / под ред. Д.Н. Разеева СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 42–60 [11]).

ем труда. Русское общество рассматриваемого периода Райнов считает *переходным* от архаического общинного типа к обществу с высокой дифференциацией труда. Порождением типа общества, в котором дифференциация еще слабо развита, но прогресс социальной жизни уже приводит к ее постепенному усилению, Райнов считает научное творчество рассматриваемых им мыслителей – И. М. Сеченова, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, А.А. Потебню, И.В. Киреевского, А.С. Хомякова, П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского, Д.И. Писарева, В.Б. Антоновича, П.Д. Юркевича, В.Н. Карпова, О.М. Новицкого, С.С. Гогоцкого, М.И. Владиславлева и М.М. Троицкого. Очерк распадается на две взаимосвязанные части – аналитическое изложение черт психологии упомянутых мыслителей и исследование содержания их мышления. В таковой постановке проблемы можно обнаружить отражение психологических теорий начала прошлого века (Т. Липпса, Р. Лотце), которые были хорошо известны Райнову еще со студенческих лет, когда он обучался на кафедре философии Санкт-Петербургского университета. Причем основные черты содержания мышления философов 50–60-х гг. XIX в. (реализм, смешанный с идеализмом, антропологизм и связанный с ним утилитаризм и индивидуализм) Райнов ставит в зависимость от особенностей их психологического типа (гетерономия и догматизм мышления, философствование «по поводу», несамостоятельность и неоригинальность по отношению к западным влияниям и экстенсивность труда при его слабой интенсивности), который сам, в свою очередь, оказывается порождением социального строя того времени – «элементарного типа русской социальной дифференциации». То есть особенности философствования вместе с самой главной его чертой – теоретическим содержанием философии – оказываются обусловлены особенностями общественных отношений, в которых оно происходило. Райнов прямо в этой связи заявляет, что философия упомянутых мыслителей интересна как отражение «общественной физиономии эпохи». Именно под таким углом зрения автор рассматривает философскую мысль.

Очевидно, что в данном случае мы встречаемся с совершенно иной стратегией историко-философского исследования, чем та, которая была заявлена в программе немецкого идеализма и оказалась столь влиятельной для отечественной методологии и историографии истории философии начала XX в. В советский период представление о социальной детерминированности знания было практически незыблемой догмой историографии истории философии, поэтому даже современному российскому читателю эта точка зрения вполне знакома. Тем не менее позиция Райнова представляется интересной и теоретически продуктивной, прежде всего, благодаря той конкретной социальной теории, которую он кладет в основание своего подхода. Она позволила автору очерка избежать грубого редуционизма и линейности в интерпретации отношений между знанием и социально-экономическими отношениями. В публикуемой ниже второй части очерка ученый ссылается на работы Г. Зиммеля («О социальной дифференциации. Социологические и психологические исследования») и Э. Дюркгейма («О разделении общественного труда»), с которыми, очевидно, он

мог познакомиться, участвуя в семинариях А. С. Лаппо-Данилевского¹². Нам представляется, что влияние Дюркгейма в данном случае является определяющим¹³: Райнов проецирует социальную концепцию Дюркгейма на русское общество рассматриваемого периода, в результате чего учение о солидарности французского социолога становится методологической основой исторического очерка русской философии. Понятие общества со слабой трудовой дифференциацией полностью соответствует дюркгеймовским понятиям сегментарного общества и механической солидарности. Собственно, Райнов этого факта и не скрывает, называя русское общество 50–60-х гг. сегментарным в смысле Дюркгейма. В конечном счете можно уверенно сказать, что очерк Райнова посвящен «философской» мысли общества, находящегося на переходе от примитивного, архаичного и доиндустриального этапа развития. Как известно, различая общества механической и органической солидарности, Дюркгейм в качестве основной черты указывал на разделение труда. Как полагал французский социолог, в обществах коллективистского типа, в которых превалирует репрессивное право, традиционализм и религия, отсутствуют разделение труда и развитый индивидуализм. Особенно влияние Дюркгейма прослеживается в той части работы, где Райнов рассуждает об индивидуализме как характеристике содержания мышления русских мыслителей 50–60-х гг., отвечая при этом на вопрос о том, почему при слабой социальной дифференциации философам этого периода был свойствен индивидуализм (это часть 11 очерков). Райнов буквально повторяет мысли Дюркгейма о том, что при усилении дифференциации общества в нем возрастает степень индивидуализации. Главной мыслью Дюркгейма было, как известно, доказательство тезиса, что с увеличением разделения труда наблюдается повышение уровня солидарности общества, иными словами – разделение трудовых функций в обществе способствует его единству. Именно эту мысль Райнов и проводит в своей работе, когда пишет, например, что «чем больше в таком обществе специализированных функций, тем многочисленнее возможные между ними комбинации».

Такой оригинальный для русской историко-философской литературы подход позволяет Райнову создать интересную интерпретацию философии рассматриваемого периода. Как известно, историография истории русской философии начала прошлого века (в трудах Э.Л. Радлова, А.И. Введенского, Б.В. Яковенко) трактовала период 50–60-е гг. XIX в. как время распространения материализма и появления первых ростков позитивизма после длительного, почти полувекового господства в России немецкого идеализма, по преимуществу философских систем Шеллинга и Гегеля. Действительно, общественная жизнь того времени наполнена полемикой за и против материализма и ниги-

---

¹² Об истории семинария А. С. Лаппо-Данилевского и в целом его социологических взглядах см.: Малинов А.В. Социологическое наследие А.С. Лаппо-Данилевского: исследования и материалы. СПб.: РХГА, 2017[12]; Илизаров С.С. Историк науки Т.И. Райнов – ученик А.С. Лаппо-Данилевского // Клио. 2013. № 12. С. 136–140 [13].

¹³ На Э. Дюркгейма Райнов дважды ссылается в важных методологических разделах в своей работы.

лизма, с которым ассоциировалось молодое тогда поколение публицистов и писателей (Н.А. Добролюбов, Н.Г. Чернышевский, Д.И. Писарев, М.А. Бакунин и др.). Свообразие и оригинальность подхода Райнова сказывается, на наш взгляд, прежде всего в том, что обе стороны этой полемики он рассматривает в качестве единой социальной группы, обладающей одним и тем же философским мировоззрением и характеризующейся, несмотря на свои, казалось бы, расхождения, едиными для всех своих членов особенностями психологии и содержания мысли. Причем такая интерпретация распространяется также и на старшее поколение русских философов, в частности на представителей славянофильства (И.В. Киреевского и А.С. Хомякова). С этой точки зрения вопрос о том, какие собственно философские направления доминировали в общественном сознании России в тот или иной период, отходит на второй план. Если работы Радлова, Введенского, Яковенко, а затем Лосского, Зеньковского и даже советских историков философии ориентированы на исследование характера распространения философии в России и внутреннего развития ее содержания, при этом специфические особенности русской философии (как, например, онтологизм, или религиозно-этическая направленность мысли) остаются своего рода *qualitates occultae*, то Райнов предлагает аналитическое выявление основных черт философии и их конкретизацию через исследование социально-психологической обусловленности философских идей и концепций. Можно сказать в связи этим, что во многом Райнов предвосхитил исследовательскую программу столь распространенной сегодня социологии науки (STS) – области, рассматривающей социальные контексты производства научного знания (применительно к философии уместно упомянуть работы Р. Коллинза и Т. Лукмана).

Для иллюстрации сказанного обратим внимание на ряд известных работ по истории русской философии. Например, в статье «Судьбы философии в России» А. И. Введенский, характеризуя распространение в России материалистической философии в 1860-х гг., указывает, что это произошло под влиянием Германии, где идеализм сменился материализмом в силу внутренних особенностей развития философской и научной мысли. Как указывает философ, «главной причиной возникновения и распространения материализма в Германии оказывается упадок философского мышления в кругах, заинтересованных естествознанием»¹⁴. История университетов (собственно социальный контекст развития философии) рассматривается Введенским в качестве аспекта, который лишь сопровождает собственное имманентное развитие философской мысли. Таков же и подход Радлова, который, однако, социальным аспектам истории философии внимания практически не уделяет, характеризуя процесс развития русской философии как повторение внутреннего движения философии Запада. «В Германии, – пишет Радлов, – падению гегельянства способствовал Фейер-

---

¹⁴ См.: Введенский А.И. Судьбы философии в России // Введенский А.И., Лосев А.Ф., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г. Очерки истории русской философии / сост., вступ. ст., примеч. Б.В. Емельянова, К.Н. Любутина. Сердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. С. 57 [14].

бах и левое гегельянство; то же произошло и у нас. Наиболее ярко увлечение Фейербахом сказалось на антропологизме *Н.Г. Чернышевского* и *М.А. Антоновича*» [15, с. 112]. Подход же Б. В. Яковенко также не предполагает обращения к внешней стороне истории философии, в силу чего его изложение истории русской философии 1850–1860-х гг. *de facto* повторяет то, что было сказано Введенским и Радловым. В результате, говоря о внешнем контексте трансформации русской философии от идеализма к материалистическим и позитивистским направлениям, Яковенко указывает лишь на факт связи этой перемены с «общественным пробуждением русской интеллигенции» и «широким движением в пользу общественно-политической эмансипации»¹⁵. В этом смысле независимо от своей философской принадлежности указанные авторы воспроизводят высказанный немецкими идеалистами подход, предполагающий вторичность социально-психологических контекстов развития философии.

Тем не менее в историографии истории русской философии можно указать на концепцию, отчасти методологически близкую к той, которая была предложена Райновым. На наш взгляд, таковым следует признать известный очерк Г.Г. Шпета¹⁶. Главной идеей Шпета, на основе которой выстраивается изложение истории русской философии в опубликованной части «Очерка развития русской философии», является концепция последовательной смены типов интеллигенции: церковной, правительственной и оппозиционной. В данном случае также можно говорить об акцентуации социального контекста истории знаний, поскольку судьбы философии при таком понимании оказываются обусловлены типологией социальных групп, особенностями их менталитета и положения в общей структуре общества, а сам характер философствования в конечном счете детерминирован способом их образования.

История русской философия как самостоятельная дисциплина насчитывает уже более ста лет – со времени публикации шестой части «Истории философии» архимандрита Гавриила (1840 г.). Можно уверенно говорить, что за это время сложилась устойчивая историографическая традиция рассмотрения русской философии, в которой есть свои интерпретационные константы, а также определяющие тексты. Представляемые впервые очерки Т.И. Райнова удачно дополняют уже сложившуюся картину истории русской мысли 1850–1860-х гг. и, как мы полагаем, выявляют ее новые, еще не замеченные историками и философами стороны, находящиеся в тесной связи с социальным контекстом развития философии того периода.

Работа Т.И. Райнова «Очерки по истории русской философии 50–60-х годов» публикуется по машинописному экземпляру (ОР РГБ. Ф. 441. Карт. 1. Д. 21), сверенному с авторской рукописью (ОР РГБ. Ф. 441. Карт. 1. Д. 20) в соответ-

¹⁵ См.: Яковенко Б.В. Очерки русской философии // Яковенко Б.В. Мошь философии. СПб.: Наука, 2000. С. 766. [16].

¹⁶ Об историко-философской концепции Г.Г. Шпета см.: Куприянов В.А. Революция и интеллигенция в «Очерке развития русской философии» Г.Г. Шпета // Философские науки. 2019. Т. 62, № 1. С. 139–151 [17].

ствии с принятыми правилами издания исторических документов. Авторские подстрочные сноски выверены и поправлены по современным нормам.

Список литературы

1. Илизаров С.С. Райнов Тимофей Иванович: Материалы к биобиблиографии. М.: Янус-К, 2017. 192 с. (Сер. «Российские историки науки и техники». Вып. IX).
2. Илизаров С.С. Архив Т.И. Райнова: история, содержание, лакуны // Роль архивов в информационном обеспечении исторической науки. М.: Этерна, 2017. С. 436–447.
3. Илизаров С.С. Историк науки и деятель книжной культуры Т.И. Райнов: материалы к биобиблиографии // Библиография. 2017. 1 (408), январь–февраль. С. 64–82.
4. Илизаров С.С. Тимофей Иванович Райнов о научном ландшафте России эпохи Василия Васильевича Докучаева // История наук о Земле. Вып. 6. М.: Акколитъ, 2017. С. 139–145.
5. Илизаров С.С. Человек книги Тимофей Иванович Райнов // Библиотекосведение. 2017. Т. 66, № 4. С. 411–421.
6. Илизаров С.С. Т.И. Райнов – ИИИТ АН СССР: к истории написания статьи «Декарт и русское естествознание XVIII века» // Архив истории науки и техники. Вып. VI (XV). М.: Янус-К, 2018. С. 75–90.
7. Илизаров С.С. Т.И. Райнов. Декарт и русское естествознание XVIII века (публикация С.С. Илизарова и И.Р. Грининой) // Архив истории науки и техники. Вып. VI (XV). М.: Янус-К, 2018. С. 5–74
8. Жмудь Л.Я. Зарождение истории науки в античности. СПб.: РХГИ, 2002. 424 с.
9. From Hegel to Windelband: Historiography of Philosophy in the 19th Century. Pluder V., Hartung G. (eds.). Berlin/Boston: Walter de Gruyter, 2015. 247
10. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн 1. СПб.: Наука, 2006. 349 с.
11. Рукавишников А.Б. Куно Фишер как историк философии // Между метафизикой и опытом: материалы коллоквиума «Влияние немецкой философии на русскую философию с XIX века до начала XX века и дальнейшее развитие философии в Германии и в России» / под ред. Д.Н. Разеева. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 42–60.
12. Малинов А.В. Социологическое наследие А.С. Лаппо-Данилевского: исследования и материалы. СПб.: РХГА, 2017. 336 с.
13. Илизаров С.С. Историк науки Т.И. Райнов – ученик А.С. Лаппо-Данилевского // Клио. 2013. № 12. С. 136–140.
14. Введенский А.И. Судьбы философии в России // Введенский А.И., Лосев А.Ф., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г. Очерки истории русской философии / сост., вступ. ст., примеч. Б.В. Емельянова, К.Н. Любутина. Сердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. С. 26–66.
15. Радлов Э.Л. Очерк истории русской философии // Введенский А.И., Лосев А.Ф., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г. Очерки истории русской философии / сост., вступ. ст., примеч. Б.В. Емельянова, К.Н. Любутина. Сердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. С. 96–216.
16. Яковенко Б.В. Очерки русской философии // Яковенко Б.В. Мощь философии. СПб.: Наука, 2000. С. 740–842.
17. Курприянов В.А. Революция и интеллигенция в «Очерке развития русской философии» Г.Г. Шпета // Философские науки. 2019. Т. 62, № 1. С. 139–151

References

1. Iizarov, S.S. Raynov Timofey Ivanovich: Materialy k biobibliografii [I.I. Rainoff: the materials for bio-bibliography]. Moscow: Janus-K, 2017. 192 p.

2. Ilizarov, S.S. Arkhiv T.I. Raynova: istoriya, sodержanie, lakuny [T.I. Rainoff's archive: history, content, lacunae], in Rol' arkhivov v informatsionnom obespechenii istoricheskoy nauki [The Role of archives in informational procurement of the historical scholarship]. Moscow: Eterna, 2017, pp. 436–447.
3. Ilizarov, S.S. Istorik nauki i deyatel' knizhnoy kul'tury T.I. Raynov: materialy k biobibliografii [T.I. Rainoff – a historian of science and a man of book culture], in Bibliografiya, 2017, issue 1(408), Yan-var'–fevral', pp. 64–82.
4. Ilizarov, S.S. Timofey Ivanovich Raynov o nauchnom landshafte Rossii epokhi Vasiliya Vasil'evicha Dokuchaeva [Timofej Ivanovich Rainoff on the scientific landscape of Russia in the epoch of Vasily Vasil'evich Dokuchaev], in Istoriya nauk o Zemle. Vyp. 6 [History of geographical sciences. Issue 6]. Moscow: Akkolit", 2017, pp.139–145.
5. Ilizarov, S.S. Chelovek knigi Timofey Ivanovich Raynov [Timofej Ivanovich Rainoff – a man of book], in Bibliotekovedenie, 2017, vol. 66, no. 4, pp. 411–421.
6. Ilizarov, S.S. T.I. Raynov – IINT AN SSSR: k istorii napisaniya stat'i «Dekart i russkoe estestvoznaniye XVIII veka» [T.I. Rainoff – IHST AS USSR: to the history of writing of the article «Descartes and Russian XVIIIth centuries natural science»], in Arkhiv istorii nauki i tekhniki. Vyp. VI (XV) [Archive of the history of science and technology. Issue VI (XV)]. Moscow: Yanus-K, 2018, pp. 75–90.
7. Ilizarov, S.S. T.I. Raynov. Dekart i russkoe estestvoznaniye XVIII veka (publikatsiya S.S. Ilizarova i I.R. Grininoy) [T.I. Rainoff. Descartes and XVIIIth century Russian natural science (publication by S.S. Ilizarov and I.R. Grinina)], in Arkhiv istorii nauki i tekhniki. Vyp. VI (XV) [Archive of the history of science and technology. Issue VI(XV)]. Moscow: Janus-K, 2018, pp. 5–74.
8. Zhmud', L.Ya. Zarozhdeniye istorii nauki v antichnosti [The origin of the history of science in the Antiquity]. Saint-Petersburg: RKhGI, 2002. 424 p.
9. From Hegel to Windelband: Historiography of Philosophy in the 19th Century. Berlin/Boston: Walter de Gruyter, 2015. 247 p.
10. Gegel', G.V.F. Lektsii po istorii filosofii. Kn. 1 [Lectures on the history of philosophy. Book 1]. Saint-Petersburg: Nauka, 2006. 349 p.
11. Rukavishnikov, A.B. Kuno Fisher kak istorik filosofii [Kuno Fischer ad a historian of philosophy], in Mezhdru metafizikoy i opytom: materialy kollokviuma «Vliyaniye nemetskoj filosofii na russkuyu filosofiyu s XIX veka do nachala XX veka i dal'neyshee razvitiye filosofii v Germanii i v Rossii» [Between metaphysics and experience: the proceeding of the colloquium «The influence of the German philosophy on the Russian philosophy from the XIXth to the XX centuries and succeeding development of philosophy in Germany and in Russia»]. Saint-Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, 2001, pp. 42–60.
12. Malinov, A.V. Sotsiologicheskoye naslediye A.S. Lappo-Danilevskogo: issledovaniya i materialy [Sociological legacy by A.S. Lappo-Danilevsky: investigations and materials]. Saint-Petersburg: RKhGA, 2017. 336 p.
13. Ilizarov, S.S. Istorik nauki T.I. Raynov – uchenik A.S. Lappo-Danilevskogo [T.I. Rainoff, a historian of science, – a disciple of A.S. Lappo-Danilevsky], in Klio, 2013, no. 12, pp. 136–140.
14. Vvedenskiy, A.I. Sud'by filosofii v Rossii [The fate of philosophy in Russia], in Vvedenskiy, A.I., Losev, A.F., Radlov, E.L., Shpet, G.G. Ocherki istorii russkoy filosofii [The outline of the history of Russian philosophy]. Sverdlovsk: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 1991, pp. 26–66.
15. Radlov, E.L. Ocherk istorii russkoy filosofii [An outline of the history of Russian philosophy], in Vvedenskiy, A.I., Losev, A.F., Radlov, E.L., Shpet, G.G. Ocherki istorii russkoy filosofii [The outline of the history of Russian philosophy]. Sverdlovsk: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 1991, pp. 96–216.
16. Yakovenko, B.V. Ocherki russkoy filosofii [The outlines of the history of Russian philosophy], in Yakovenko, B.V. Moshch' filosofii [The power of philosophy]. Saint-Petersburg: Nauka, 2000, pp. 740–842.
17. Kupriyanov, V.A. Revolyutsiya i intelligentsiya v «Ocherke razvitiya russkoy filosofii» G.G. Shpeta [The Revolution and Intelligentsia in G.G. Shpet's «An Outline of the Development of Russian Philosophy»], in Filosofskie nauki, 2019, vol. 62, no. 1, pp. 139–151.